

Барташевич Татьяна Юрьевна

**ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.**

Статья посвящена концептуальному осмыслению предметного поля социальной этики в русской мысли конца XIX - начала XX века. В качестве основных системообразующих концептов, определяющих предметное поле социальной этики, выделяются концепты общественного идеала, правосознания, солидарности и свободы. Актуальность обращения к заявленной теме обусловлена активной разработкой проблематики социальной этики и общественной морали в современном этическом дискурсе. Новизна постановки вопроса состоит в том, что впервые в дискурс социальной этики включено наследие русских философов рубежа XIX-XX веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/8.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 42-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 172.1

Философские науки

Статья посвящена концептуальному осмыслению предметного поля социальной этики в русской мысли конца XIX – начала XX века. В качестве основных системообразующих концептов, определяющих предметное поле социальной этики, выделяются концепты общественного идеала, правосознания, солидарности и свободы. Актуальность обращения к заявленной теме обусловлена активной разработкой проблематики социальной этики и общественной морали в современном этическом дискурсе. Новизна постановки вопроса состоит в том, что впервые в дискурс социальной этики включено наследие русских философов рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова и фразы: русская этическая мысль; социальная этика; общественный идеал; правосознание; солидарность; свобода.

Барташевич Татьяна Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
t.bartashevich@spbu.ru

**ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКИ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

В современном этическом дискурсе доминирует интерес к прикладным этическим исследованиям, направленным на решение актуальных моральных проблем, возникающих в процессе социального взаимодействия. В связи с этим возникла необходимость концептуализации общественной морали как проблемного поля прикладной этики. Одним из основных векторов современных прикладных этических исследований стала социальная этика, в рамках которой происходит рефлексия общественной морали.

Подтверждением актуальности обращения к вопросу определения предметного и понятийного поля социальной этики в современной этической науке может послужить исследовательский проект «Общественная мораль: методология исследования, нормативно-этические и прикладные проблемы», инициированный в 2006 году сектором этики ИФ РАН. В рамках проекта сложились исследовательские направления изучения социальной этики в русле западноевропейской мысли, без обращения к философскому наследию русских мыслителей конца XIX – начала XX века, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Это обстоятельство послужило поводом для написания данной статьи.

Целью данной статьи стало определение задач, которые стояли перед социальной этикой в России на рубеже XIX–XX веков, обозначение предметного поля социальной этики в отечественной социально-этической мысли рассматриваемого периода.

Так, К. Д. Кавелин в своей программной работе «О задачах этики» писал, что «возрастающий интерес к этике замечается в последнее время не только в Европе, но и у нас, и притом с оттенком, который показывает, что наклонность в сторону этических вопросов не есть только дело моды, подражания или мимолетного увлечения, а выражение действительной потребности. <...> он (*интерес – Т. Б.*) вызван практическими соображениями, злобою дня и, можно сказать без преувеличения, живо затрагивает всех и каждого» [2, с. 902]. Анализируя процессы, происходящие в жизни России, К. Д. Кавелин констатировал насущную потребность в применении этических разработок в практике социального взаимодействия, в общественных отношениях. Мыслители рубежа XIX–XX веков в целом были солидарны в том, что в реалиях современной жизни норм субъективной этики и позитивного права недостаточно, и стремились из отвлеченной метафизической сущности человека вывести основания для эмпирического взаимодействия людей как социальных субъектов, не уклонившись в сторону чистого утилитаризма, с учетом нравственного содержания «человеческих союзов».

Отталкиваясь от предметного поля и предназначения субъективной этики и позитивного права, русские философы определяли предмет и задачи этики социальной.

В вопросе о разделении предмета этики и права мыслители высказывали единую точку зрения. Так, согласно К. Д. Кавелину, предметом субъективной этики выступают «внутренние душевные движения и деятельность людей», а предметом права являются «внешние отношения людей в составе организованного сожительства» [Там же, с. 998]. Б. Н. Чичерин видел принципиальное различие между нравственностью (как сферой личной этики) и правом в том, что нравственность определяет только внутренние побуждения и мотивы, а право регулирует внешние проявления волеизъявления индивидов. [6, с. 142]. Субъективная этика предлагает личности некие нормы социального взаимодействия, но лишь с позиций внутренней душевной жизни; основная ее задача заключается в том, чтобы «указать индивидуальному лицу путь нормального духовного развития и совершенствования» [2, с. 1001]. Первоочередной задачей позитивного права является организация правильного общежития, определение и создание благоприятствующих такой форме общежития условий. Потребность и человека, и общества в организованном взаимодействии в пространстве социального и правильном общежитии, так или иначе, обуславливает установление правового порядка и «человеческих союзов» как социальных институтов. С одной стороны, «право, публичная жизнь имеют дело не с живыми, непосредственными людьми, а с членами устроенного общежития, лицами в социальном смысле» [Там же, с. 978], с другой стороны, «человеческие союзы» состоят из лиц и ими определяются.

Социальные вызовы рубежа XIX-XX веков требовали от русских мыслителей расширить предметное поле этики и права в их социально-философских исканиях. Обозначив коренное отличие субъективной этики и позитивного права, определив их предназначение, русским мыслителям удалось выделить предметное поле, лежащее вне области задач чистой этики как таковой и позитивного права. В результате сложилась оригинальная нравственно-правовая концепция – социальная этика, основанная на принципах естественного права как идеала общественного развития. В качестве задач социальной этики было определено решение вопроса «об условиях осуществления в общественном пространстве нравственного закона» [3, с. 59] и вопроса «о возможности сочетания индивидуальных нравственных принципов с принципами общественного развития» [Там же]. Основополагающим принципом социальной этики стало «соединение начал объективной этики общества и субъективной этики личности» [Там же, с. 66].

Социальная этика в концепциях русских философов выступает как часть социально-философского познания, наряду с социальной онтологией и феноменологией (которые во многом выступают ее основанием), отличаясь от них предметом исследования: социальная феноменология и онтология интересуются вопросами сущности и смысла социального бытия, основной же интерес социальной этики сфокусирован на проблеме общественного идеала, то есть на том, «каким должен быть благой, разумный, справедливый, “нормальный” строй общества» [5, с. 253].

Общественный идеал не может быть оторван от сущности социальной жизни, не может противоречить ей, напротив, в своем обосновании он должен с необходимостью опираться на познание онтологической сущности общественного бытия. Если философия права, основанная на этике, «мыслится... как чисто “нормативная” наука, превращается в систему норм, предписаний и обязательств общественной жизни, выводимую только из “идеала”, из “идеи добра”, но не обосновываемую на самом существе, на онтологической природе общества и человека» [Там же, с. 255], то социальная этика не оторвана ни от чистой этики как науки о должном (в кантовском понимании), ни от онтологии. Социальная этика возникает в результате перехода в исследовании взаимодействия индивидов в обществе от области личного самосознания к самосознанию общественному, по С. Л. Франку. «Этика есть практический вывод из самосознания человека, т.е. из познания им его истинного существа, вечных и непреложных начал его бытия» [Там же, с. 258]. Поэтому, пишет С. Л. Франк, именно социальная этика, основанная на онтологии социальной жизни и феноменологии, а не философия права может стать ведущей наукой в изучении общественного самосознания.

Общественный идеал выступает как базовая ценностная установка социальной этики. Согласно С. Л. Франку, все общественные идеалы относительно по своей сути, так как находятся в зависимости от конкретных места и времени, и практически значимыми являются только те идеалы в различных областях социальной жизни, которые согласованы между собой и вместе обеспечивают существование и развитие здоровой социальной среды, общества как целого. Никакой отдельно взятый воплощенный идеал «не есть абсолютное осуществление абсолютной правды, а только относительное и частичное ее осуществление» [Там же, с. 374]. Тем не менее П. И. Новгородцев настаивал на том, что «общественный идеал должен отправляться от идеи осуществления абсолютного в относительном и с мыслью об этом осуществлении – всегда частичном и неполном и потому постепенном и уходящем в бесконечность» [4, с. 72]. Предметом социальной этики является как раз то, в какой степени историческое движение есть движение к абсолютному идеалу. Несмотря на то, что идеал в своем абсолютном значении недостижим, социальная этика не является молчаливым созерцанием отвлеченных идеальных ценностей, она должна предлагать систему ориентиров, позволяющих понять не только цель (идеал), но и средства и их ограничения в достижении этой цели.

Общественный идеал не может заключаться в достижении максимальной пользы/блага для максимального числа людей ввиду того, что польза и благо – понятия относительные и субъективно воспринимаемые. «Правильное общежитие, доставляя людям множества благ, материальных и духовных, вместе с тем ограничивает каждого человека, налагает на него обязанности, подвергает его лишениям и жертвам» [2, с. 1001-1002]. «Благо и интересы общества как целого, задача его самосохранения и укрепления есть в эмпирической государственно-общественной жизни высшая цель, которой должно быть подчинено поведение его членов» [5, с. 381]. Общественные идеалы выступают в качестве регуляторов индивидуального поведения, согласуют между собой субъективную (внутреннюю, душевную) и объективную (внешнее взаимодействие) деятельность и человека.

Сущность идеала заключается в том, что его содержание не может быть ограничено относительными понятиями и ценностями, такими как лучшее устройство власти, справедливость, полезность, счастье, богатство, в связи с чем русские мыслители искали универсальные основания для определения общественного идеала. В этих поисках они отталкивались от принципа личности как исходного начала общественного идеала, личности, стремящейся «к общему и сверхиндивидуальному» [4, с. 105]. Именно в понятии личности в равной степени находят свои истоки как ее стремление к свободе и равенству, так и ее обязанности солидарности и единства с другими, которое включает всех лиц без исключения. Исходя из этого, П. И. Новгородцев предложил определение общественного идеала «как принципа всеобщего объединения на началах равенства и свободы» [Там же, с. 111]. Такое понимание позволяет при выдвигании идеальных целей общественного развития учесть обусловленность солидарности и универсализма личностным началом и «вместе с тем подчеркнуть самостоятельное значение общественных стремлений в полноте личного сознания» [Там же, с. 112]. Однако любой отдельно взятый принцип – принцип равенства, свободы, солидарности, единства и т.д. – не будет отражать всей полноты духовной жизни общества, а будет свидетельствовать о развитии лишь одного конкретного качества социального организма. «Лишь единство, соотносительная связь и гармоническое взаимное восполнение и равновесие всех таких отвлеченных идеалов может выразить истинное назначение, подлинную цель общественной жизни» [5, с. 376].

Обнаружение предметного поля социальной этики в области естественного права позволяет апеллировать к внутренней свободе индивида, к добровольной нравственности как началу, организующему пространство социального. Именно концептуальное осмысление социальной этики позволило русским мыслителям снять водораздел между этикой и правом, позволило читать «и» в значении соединительного союза, а не разделительного «либо», что не является, однако, размыванием понятий, их смешением или подменой одним другим. В социальной этике постулируется именно единство нравственно-правового сознания, что позволяет обратиться к концепту правосознания, которое можно определить вслед за И. А. Ильиным как «особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей» [1, с. 231]. И. А. Ильин выделяет следующие постулаты правосознания: «чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Эти аксиомы учат человека самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности» [Там же]. Выделяемый русскими мыслителями концепт правосознания стал одним из концептуализирующих предметное поле социальной этики маркером.

Наряду с правосознанием к концептуально значимым понятиям следует отнести ранее уже обозначенные понятия свободы и солидарности.

Личная свобода в социальном взаимодействии выступает, прежде всего, как нравственная, а не физическая потребность, как условие реализации нравственного закона, как «основание для построения общественного идеала» [4, с. 47]. Вне свободы невозможно существование ни человека, ни общества. «Какую бы роль в общественной жизни ни играл момент принуждения, внешнего давления на волю, в последнем итоге участником общественности является все же личность, спонтанно действующая индивидуальная воля» [5, с. 388]. Именно свободно действующий индивид является единственным двигателем социальной жизни.

Наряду со свободой другой нравственной характеристикой социальной организации выступает солидарность. Проблема солидарности становится значимым концептом в русской социальной мысли рубежа XIX-XX веков. Мыслители отмечали взаимосвязь эволюции форм солидарности и этапов социального развития, рассуждали о солидарности в таких терминах, как «сотрудничество», «кооперация», «взаимопомощь», «ассоциация» и т.п. Если в социальных науках фиксировались факты проявления солидарного поведения и анализировалась социальная обусловленность солидарности, то задача социальной этики виделась в обнаружении нравственной природы солидарности через исследование форм нравственной регуляции поведения и взаимодействия индивидов.

Солидарность и свобода в концепциях русских мыслителей не взаимоисключающие понятия, а, наоборот, взаимодополняющие. Так, П. И. Новгородцев видел идеальную цель общественного развития «в стремлении к свободному объединению лиц на почве признания за ними их естественных прав» [4, с. 52], а С. Л. Франк отмечал, что «солидарность многих есть солидарность свободных существ» [5, с. 417].

Не исчерпывая всего многообразия понятийного поля социальной этики, можно выделить стержневые системообразующие концепты, из которых складывается предметное поле социальной этики в русской мысли конца XIX – начала XX века, – это концепты общественного идеала, правосознания, солидарности и свободы.

Таким образом, анализ социально-этических воззрений отечественных мыслителей рубежа столетий позволяет нам обнаружить теоретически значимый потенциал русской мысли, который может быть востребован в современном этическом дискурсе социальной этики.

Список литературы

1. **Ильин И. А.** О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 151-414.
2. **Кавелин К. Д.** Задачи этики // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия и литература. С. 897-1018.
3. **Кацапова И. А., Бажов С. И.** Философское мировоззрение П. И. Новгородцева. М.: ИФ РАН, 2007. 182 с.
4. **Новгородцев П. И.** Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
5. **Франк С. Л.** Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 243-434.
6. **Чичерин Б. Н.** Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.

SUBJECT FIELD OF SOCIAL ETHICS IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND LEGAL THOUGHT AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Bartashevich Tat'yana Yur'evna
Saint Petersburg State University
t.bartashevich@spbu.ru

The article is devoted to the conceptual understanding of the subject field of social ethics in Russian thought at the end of the XIX – the beginning of the XX century. As the main backbone concepts determining the subject field of social ethics the author singles out the concepts of public ideal, legal awareness, solidarity and freedom. The relevance of the theme is conditioned by the active development of the problems of social ethics and public morality in modern ethical discourse. The novelty of the issue statement is in the fact that for the first time in the discourse of social ethics the heritage of the Russian philosophers of the turn of the XIX-XX centuries has been included.

Key words and phrases: Russian ethical thought; social ethics; public ideal; legal awareness; solidarity; freedom.